
A story by Evan Gresham
ТЕНИ РАЗУМА
ОСКОЛКИ ЧУЖИХ ЛИЦ
18+

Тени разума

Evan Gresham

Тени разума осколки чужих лиц

«Автор»
2026

Gresham E.

Тени разума осколки чужих лиц / E. Gresham — «Автор», 2026 — (Тени разума)

Детектив Уильям Картер думал, что пять лет назад потерял лишь память. Он ошибался. Он потерял себя — и кто-то занял его место.Когда психиатр Вейн найден мёртвым в запертом кабинете, улики складываются слишком идеально. Ключ изнутри. Револьвер в правой руке. Самоубийство? Картер видит другое: декорацию. Сцену, поставленную специально для него.Где-то в тенях Лос-Анджелеса бродит человек с его лицом. Его голосом. Его почерком. Существо, порождённое экспериментом полного стирания личности, Транквилизатор в коньяке. Микроволокно на плинтусе. Каждый след ведёт не к убийце — а к вопросу, от которого невозможно убежать: кто ты, если твои воспоминания — чужие, твоя боль — инструмент, а твоё лицо — маска, которую уже примерил другой?Единственный способ победить того, кто идеально копирует реальность, — стать пустым листом. Стереть себя. Но что останется, когда стирание завершится?

© Gresham E., 2026
© Автор, 2026

Evan Gresham
Тени разума осколки чужих лиц

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Иллюзия герметичности: Медный привкус запертой комнаты

В Голливудских холмах воздух стоял мёртвый. Ни тебе Санта-Аны, ни сквозняка с каньона — только липкая, неподвижная жара, от которой воротник рубашки прилипал к шее. Пахло разогретой хвоей, дорогим парфюмом и едва уловимой медью. Мозг Картера распознал этот привкус раньше, чем обонятельные рецепторы успели подать сигнал тревоги. Медь означала одно.

Уильям Картер стоял на террасе виллы и смотрел на массивные дубовые двери. Капитан Рамирес ждал его там же, у порога, и не курил — хотя сигарета у него в пальцах тлела уже минут пять. Рамирес не держал сигарету во рту, когда просто разговаривал. Он не выпускал дым, когда просто нервничал. Он делал и то, и другое только тогда, когда внутри комнаты происходило то, что ломало его двадцатилетний профессиональный цинизм.

— Никаких следов взлома, Уильям, — сказал Рамирес, не поворачивая головы. — Охрана внизу. Ворота закрыты. Собаки не лаяли. Камеры на периметре пишут тишину.

Картер кивнул. Профессиональная деформация брала свое: мозг уже выстраивал схему. Запертая комната. Классика. Если нет следов проникновения — убийца либо внутри, либо жертва сама закрыла дверь, чтобы умереть в одиночестве. Комфортная логика. Ум цеплялся в неё, как хищник в еще теплую добычу.

Рамирес толкнул дверь. Петли повернулись в полной тишине — Вейн не экономил на фурнитуре.

Кабинет встретил их вакуумом. Тяжёлые бархатные шторы были задернуты, отрезав Лос-Анджелес с его неоновыми вывесками и сиренами. Единственным источником света была настольная лампа с зелёным стеклянным абажуром — она выхватывала из мрака небольшой островок реальности. Остальное тонуло в тени.

В кожаном кресле «Честерфилд» сидел доктор Элиас Вейн. Голова безжизненно откинута назад, рот приоткрыт, глаза смотрят в потолок. В правой руке, расслабленно лежащей на подлокотнике, он сжимал револьвер. На полу, чуть в стороне от его туфли, лежала гильза.

Картер шагнул внутрь, стараясь дышать ровно, чтобы не нарушить микротоки воздуха. Он осматривал пространство. Окно за спиной Вейна — закрашено масляной краской в несколько слоёв, рамы вздулись от влажности, открыть без лома невозможно. Вентиляционная решётка под потолком — размером с ладонь, прикручена на четыре винта, покрытых слоем пыли, который не был потревожен. Камин — закрыт тяжёлой чугунной заслонкой изнутри.

Комната напоминала замкнутый мир. Пространственная головоломка, которую можно решить, если знать правильные формулы. Картер почувствовал, как напряжение в плечах начинает спадать. Самоубийство. Или несчастный случай при чистке оружия. Ум расслабился, принимая ложную уверенность в том, что наш мир всегда подчиняется законам логики.

— Ключ в замке изнутри, — тихо сказал Рамирес, указывая на тяжёлый латунный ключ, торчащий в скважине со стороны кабинета.

— Мы выбивали дверь. Ключ провернулся, когда ломились. Вейн заперся сам.

Картер кивнул. Ключ в замке. Интересная деталь.

Картер подошёл ближе. Запах пороха смешивался с ароматом старого коньяка и кожи. Он посмотрел на лицо Вейна. Человека, который десять лет назад вытащил его из самой глубокой ямы его собственного разума, когда прошлое грозило поглотить его целиком. Вейн был его якорем. И теперь этот якорь лежал на дне, проржавевший и разбитый. Страх, холодный

и липкий, шевельнулся в животе Картера. Страх не перед смертью, а перед тем, что его собственное прошлое, которое он считал похороненным, наконец-то пришло забрать долг.

Картер наклонился, рассматривая револьвер в руке мертвеца. Ствол был направлен в потолок, но что-то в самой форме оружия, в том, как оно лежало в ослабшей кисти, резануло его. Это не стандартный табельный ствол или дешёвый пистолет с улицы.

— Рамирес, посвети сюда.

Капитан шагнул ближе, луч его фонарика выхватил гравировку на барабане.

— Кольт 1917 года, — пробормотал Рамирес, щурясь. — Армейский вариант. Удивительно, что он вообще стреляет. Откуда у психиатра такая антикварная рухлядь?

Картер почувствовал, как в висках начинает пульсировать тупая, тяжёлая боль. Он знал этот револьвер. Он знал каждую царапину на его воронёной стали. Этот антиквариат. Был символом. Подарок от первого пациента Вейна — молодого парня, который не выдержал голосов в своей голове и пустил себе пулю в рот именно из этого ствола, оставив его на столе терапевта как «последний аргумент». Вейн хранил его как напоминание о своей главной, фатальной ошибке — о том, что иногда слова не могут перекрыть звук выстрела.

Если Вейн хотел застрелиться, почему он выбрал именно этот револьвер? Тот, что был связан с его величайшим провалом? Самоубийцы обычно выбирают оружие, которое под рукой, или то, что гарантирует быстрый результат. Этот Кольт мог дать осечку. Патроны к нему нужно было искать по всему Лос-Анджелесу.

Логическая цепочка, которую Картер выстроил минуту назад, начала трещать по швам.

Если это самоубийство — почему он использует символ своей вины, а не инструмент для смерти? Если это убийство — как убийца вышел из комнаты, запертой изнутри, оставив ключ в замке?

Ум Картера, обученный видеть паттерны, вдруг осознал, что смотрит не на физическую головоломку, а на психологическую ловушку. Пространство комнаты перестало быть просто стенами и окнами. Запертая комната — не барьер для убийцы. Это лишь декорация. Убийца не пытался спрятать факт побега. Он пытался навязать им определённую модель мышления, заставить их искать скрытую дверь, вместо того чтобы посмотреть на то, что лежит на столе.

Картер медленно перевёл взгляд с тела на массивный стол из чёрного дерева. Там, в пятне света от зелёной лампы, лежал предмет, который не вписывался в интерьер кабинета успешного психиатра.

Блокнот. Черная кожа. Потертый угол. Шрам от ножа. Его блокнот.

Рука холодеет. Пальцы не слушаются.

Шаг. Еще шаг. Пол скрипит.

Раскрыть.

Страницы. Пожелтевшие.

Почерк. Мелкий. Резкий. Нажим на буквах. Его почерк. Не Вейна. Его собственный. Сердце бьет в ребра. Стук. Гул. Кровь в ушах.

Строки. Одна. Две. Слова. «Найди того, кто носит мое лицо».

Удар. Пульс. Темнота давит на глаза. Тишина звенит. Воздуха нет.

Он здесь. Оно здесь. Прошлое вернулось.

Картер отшатнулся от стола, словно кожа блокнота обожгла его. Он судорожно вдохнул, и густой, пропитанный пылью воздух кабинета обжёг лёгкие. Зелёный свет лампы вдруг показался ему неестественным, болезненным, как свет операционной.

Рамирес мгновенно среагировал на его движение, рука легла на кобуру, но капитан тут же понял, что угрозы нет. Он посмотрел на блокнот, потом на лицо Картера, с которого сошла вся кровь.

— Уильям? Что это? — голос Рамиреса потерял привычную шероховатость, стал жёстким и требовательным.

— Это мой блокнот, — Картер сглотнул, чувствуя, как пересохло горло. Его голос звучал чужим, плоским. — Тот, который я потерял пять лет назад. В Чикаго.

Рамирес нахмурился. Его прагматичный ум пытался найти рациональное объяснение.

— Ты думаешь, Вейн украл его? Зачем? Предсмертная галлюцинация? Он мог найти его в своих записях, решить, что это его собственный, и написать... что-нибудь в бреду. Старик был болен, Уильям. Ты сам знаешь.

— Вейн не был в бреду, Диего, — отрезал Картер, возвращая себе контроль над дрожью в руках. Он заставил себя посмотреть на записку ещё раз.

Найди того, кто носит моё лицо.

— Он не мог написать это. Потому что это не его почерк. Это мой почерк. Но я не писал этого.

— Забери блокнот, — тихо сказал Картер, не отводя взгляда от мёртвых глаз Вейна.

— Забери его в пакете для улик. Но не читай его, Рамирес. Если ты начнёшь искать логику в том, что здесь написано, ты сойдёшь с ума. Это не послание. Это якорь. Он хочет, чтобы мы смотрели на него, пока он делает следующий шаг.

Рамирес кивнул, доставая пластиковый пакет. Его скепсис дал трещину, но профессиональная выучка взяла верх. Он начал фотографировать стол, вспышки камеры разрезали густой полумрак, на мгновение оживляя мёртвое лицо Вейна.

Картер отошёл к барной стойке в углу комнаты, пытаясь собраться с мыслями. Ему нужно было заземлиться. Переключить фокус с макрокосма неразрешимой загадки на микрокосм физических деталей. На столе, рядом с пепельницей, стоял тяжёлый хрустальный стакан. В нём плескался коньяк. Лёд давно растаял, превратившись в воду, которая смешалась с янтарной жидкостью.

Картер взял стакан, поднёс к свету зелёной лампы. Он искал то, что должно было быть там. Тонкий, горький запах миндаля. Белый кристаллический налёт на стенках. Или то, что вписалось бы в привычную картину: месть, яд, принуждение, а затем — инсценировка самоубийства с револьвером, чтобы запутать полицию. Стандартный набор. Удобная, понятная модель.

Но на дне стакана не было ничего из этого.

На самом дне, в центре янтарного водоворота, лежал странный осадок. Он не был похож на химический реагент или растолчённые таблетки. Это нечто органическое, но совершенно чужеродное для этого контекста. Тёмно-серые, почти чёрные волокна, спрессованные в маленький, плотный комок. Они не растворялись в спирте. Они не изменили цвет коньяка.

Картер наклонился ближе, вглядываясь в тёмные волокна. Волокно имело странную, почти перламутровую структуру, которая слабо преломляла свет. Оно выглядело как часть чего-то живого, но умерщвлённого и высушенного до состояния, в котором время теряет свой смысл.

Не просто яд, который убивает тело. А вещество которое должно было изменить сознание, или, возможно, оставить след в самом воздухе, которым дышал Вейн в свои последние минуты.

Картер понял, что модель «запертой комнаты» только что разрушилась окончательно. Вопрос был не в том, как убийца вышел из кабинета. Вопрос был в том, как убийца вошёл в разум Вейна, не пересекая физического порога, и заставил его сделать то, что он сделал.

Револьвер был ошибкой Вейна. Блокнот был ошибкой Картера. А этот осадок на дне стакана был ошибкой убийцы. Микроскопической, почти незаметной деталью, которая выпадала из идеальной картины.

— Диего, — Картер не обернулся, продолжая смотреть на тёмные волокна в стакане. — Вызови техников. Пусть осмотрят этот осадок. И найди того, кто поставлял ему этот коньяк.

— Ты думаешь, его отравили? — Рамирес подошёл ближе, глядя на стакан с подозрением. — Тогда зачем выстрел?

— Затем, — Картер наконец оторвал взгляд от стекла и посмотрел на мёртвого друга, чьё лицо теперь казалось ему маской, надетой кем-то другим, — что выстрел был нужен не для того, чтобы убить его. Выстрел был нужен, чтобы создать звук. Чтобы его услышали и вызвали нас.

Он осторожно поставил стакан на стол, стараясь не потревожить осадок. Щелчок стекла о дерево прозвучал в тишине кабинета как выстрел.

И тут Картер замер.

Он поднёс стакан ближе к лицу, вглядываясь в тёмные волокна, осевшие на дне. И почувствовал это. Не запах — запах уже давно не работал. Он почувствовал это узнаванием. Точно так же пахло десять лет назад, в подвале чикагской клиники, когда он стоял над столом, на котором лежал пациент, и не мог понять, жив тот или мёртв, пока не увидел, как вздрагивает веко.

Состав оставался загадкой. химический реагент или растительный экстракт — нечто за гранью привычного.

Это было то, что Вейн хранил в сейфе под своим кабинетом. То, о чём они оба поклялись никогда, слышишь, никогда больше не говорить.

За окном наконец-то поднялась Санта-Ана. Первые порывы ветра застучали по ставням — ровно, терпеливо, словно кто-то долго ждал, пока его впустят.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Анатомия лжи: Вулканический пепел и чужой почерк

Утро в Голливудских холмах начиналось с обмана. Туман, сползающий с каньонов, маскировал шрамы на фасадах вилл, а солнце, пробивающееся сквозь кроны эвкалиптов, превращало дешёвый сайдинг в золотую лепнину. Уильям Картер стоял в гостиной дома Вейна, и липкий запах жасмина от огромных букетов смешивался с чем-то металлическим, едва уловимым.

Страх перед смертью, нет. Это был страх разоблачения. Она теребила нитку на подоле, и ее зрачки расширялись каждый раз, когда Картер упоминал имя Вейна. Люди лгут. Особенно те, кто любил покойного. Когда умирает близкий человек, память подстраивается под совесть. Свидетели неосознанно сдвигают время, смягчают тона, убирают из своих воспоминаний острые углы. Они не убийцы. Они просто люди, которые пытаются пережить травму, переписывая сценарий так, чтобы остаться в нём хорошими. Картеру предстояло просто отфильтровать естественную, защитную ложь и найти то, что лежало под ней.

Элеонора сидела в солярии, обнимая чашку с давно остывшим чаем. Бывшая жена Вейна, к которой он вернулся за полгода до смерти. Её руки дрожали, но макияж был безупречен — броня калифорнийских светских львиц.

— Я уехала в восемь, детектив, — её голос был хрупким, прерывистым и слегка дрожащим.

— Мы поссорились из-за пустяка. Я поехала в клуб, выпила мартини и вернулась только к полуночи.

Картер смотрел на её запястья. Ни следа от ремня безопасности. Ни малейшего покраснения на нежной коже шеи от поворота головы за рулём. Но главное было не это. От неё пахло не хлоркой бассейна клуба, а тяжёлым, дымным ароматом кубинских сигар. Горе делает людей эгоцентричными, они забывают о деталях. Но ложь требует усилий. Элеонора не просто скрыла факт ссоры. Она создала алиби, которое рушилось от первого же звонка в лаунж на Сансет-Стрип. Она боялась не того, что убила Вейна. Она боялась, что узнают, с кем она была.

— Миссис Вейн, — тихо сказал Картер, — в каком именно клубе вы были?

— В «Сансет-Тауэр», — ответила она. — Я сидела у бара.

Картер кивнул. «Сансет-Тауэр» был клубом для женщин. Туда не пускали мужчин. И там не курили кубинские сигары — только тонкие сигариллы для туристов. Элеонора была в другом месте. С мужчиной. И этот мужчина курил «Коиба». Но Картер не стал давить. Не сейчас. Он записал название клуба в блокнот и перешёл к следующему.

Телефон в кармане вибрировал. Картер вышел на террасу, вдыхая раскалённый воздух. На экране мелькнуло имя: Сара Миллер.

— Уильям, ты смотрел новости? — её голос, обычно похожий на хрусталь, сейчас дрожал на грани срыва.

Сара была его партнёром по Фонду, человеком, который видел финансовые потоки лучше, чем он видел улики.

— Я на месте преступления, Сара. Вейн мёртв.

— Я знаю. И он не просто умер. За час до того, как его нашли, с его личного сервера ушла транзакция. Два миллиона на офшорный счёт. Но самое интересное не это.

Картер ощутил, как в животе развернулся леденящий комок.

— Что ещё? — Фонд клиники последние полгода спонсировал не исследования. Он спонсировал молчание. Я нашла три платежа. Все — на один и тот же счёт. И знаешь, что самое странное?

— Что? — Этот счёт зарегистрирован на имя, которое ты знаешь. Уильям, это твоё старое имя. То, которое ты использовал в Чикаго.

Картер закрыл глаза. Солнце пекло лицо, но ему было холодно.

— Ты уверена? — На сто процентов. Я отправила тебе документы. Уильям, кто-то использует твоё прошлое, чтобы шантажировать Вейна. Или Вейн платил тебе. Или...

— Или кто-то хочет, чтобы мы думали, что это я, — закончил Картер.

— Да. И это очень, очень плохо.

Он оборвал звонок, прежде чем Сара успела спросить, всё ли с ним в порядке. Он стоял на террасе, глядя на Лос-Анджелес, раскинувшийся внизу, как гигантская, светящаяся плата, и пытался понять, как его собственное прошлое, которое он считал похороненным, вдруг оказалось вплетено в убийство его друга.

Вернувшись внутрь, он начал допрос Маргарет, домработницы, которая проработала у Вейна двадцать лет. Она стояла у стены, вцепившись в фартук.

— Я ничего не слышала, сэр. Вы знаете, какой у доктора был кабинет. Звукоизоляция.

— Военного класса, — кивнул Картер.

Он посмотрел на толстые стены, обитые пробкой и тканью под штукатуркой. Вейн параноидально охранял тайны своих пациентов. Но Маргарет нервно теребила край фартука, и Картер заметил, что её наушники, висящие на шее, были выключены. Звукоизоляция работает в обе стороны. Она не даёт звукам выйти, но она также создаёт идеальную акустическую тень. Убийца мог не знать о ней, но Вейн знал. Он сам загнал себя в вакуум.

— Маргарет, — тихо сказал Картер, — вы слышали что-нибудь вчера вечером? Даже если вам кажется, что это не важно.

Она посмотрела на него, и в её глазах был страх.

Не страх перед полицией. Она боялась нечто другое.

— Я... я слышала голос, — прошептала она. — Примерно в одиннадцать.

— Чей голос?

— Не знаю. Он был... тихий. Спокойный. Но я не поняла, о чём он говорил. Доктор Вейн не ответил. А потом...

— Что потом?

— Потом был смех. Короткий. И всё.

Картер записал это. Смех. Кто-то был в кабинете с Вейном. И этот кто-то смеялся.

И, наконец, Джулиан. Племянник, протеже, человек, который должен был унаследовать клинику. Он стоял у окна, безупречный в своём льняном костюме. Его поза выражала идеальное, отрепетированное спокойствие.

— Я был на гала-вечере в музее Хаммера, детектив, — Джулиан даже не посмотрел на Картера, разглядывая свои идеально ухоженные ногти. — У меня есть свидетели. Десять человек из совета директоров. Я не был в этом доме вчера вечером. Я вообще не подходил к нему.

Картер записал это в блокнот. Три человека. Три идеальные, отполированные лжи. Элеонора скрывала любовника. Маргарет скрывала свой страх. Джулиан скрывал своё присутствие. Мотивы пересекались, как линии на карте метро, но станция назначения оставалась невидимой. Раздражение, холодное и острое, поднялось в груди Картера. Эти люди, которых Вейн называл своей семьёй, были чужаками. Они носили маски скорби, но под ними скрывался голод.

Картер вернулся в кабинет. Техники из криминалистической лаборатории уже закончили с телом, и теперь суетились вокруг массивного камина. Воздух здесь был тяжёлым, пропитанным запахом гари и старого дерева. Вейн, даже умирая, курил свою любимую трубку, но сейчас в камине вместо дерева, горело.

— Что там? — голос Картера прозвучал хрипло.

Техник, молодой парень с веснушками, поднял глаза.

— Кто-то жёг фотографии, детектив. Бумага плотная, глянцевая. Горела плохо, но жара была сильная. Осталось всего несколько фрагментов.

Картер подошёл ближе. На металлическом подносе лежали обугленные, скрученные от жара клочки. Они были чёрными, хрупкими. Вейн сжигал их прямо в камине, перед тем как взять в руки револьвер. Словно ритуал очищения. Или акт отчаяния. Картер наклонился. Его мозг, привыкший собирать пазлы из хаоса, автоматически начал классифицировать обрывки. Пейзаж. Фрагмент платья. Чья-то рука. Но один кусочек, размером с игральную карту, лежал чуть в стороне. Угол не был затронут огнём.

Щипцы. Металл. Колкий.

Пепел. Серый. Летит.

Чёрный край. Уголок. Целый

. Рывок. Выдох. Лицо. Его лицо.

Пять лет назад. Шрам. Подбородок. Глаза. Пустые.

Вейн сжёг его. Зачем.

Сердце. Удар. Ребра. Пульс. Виски. Стук.

Вспышка. Темнота. Он здесь. Оно здесь.

Картер отшатнулся, уронив щипцы. Звон металла о металл показался оглушительным в тишине кабинета. Он судорожно вдохнул, и запах гари обжёг лёгкие, вызывая тошноту. Зелёный свет лампы, падающий на обугленную фотографию, вдруг исказился, поплыв перед глазами. На снимке был он сам. Уильям Картер. Пятилетней давности.

Тот день, когда он стоял на краю пропасти, когда Вейн вытащил его из темноты. Но на фото он был не один. Рядом, размытое, но узнаваемое, было другое лицо. Лицо, которое Картер пытался забыть каждый день на протяжении последних пяти лет. Лицо, которое, как он думал, было стёрто из реальности навсегда. Вейн не просто сжигал фотографии. Он сжигал доказательства. Он сжигал прошлое Картера, чтобы защитить его. Или чтобы защитить себя.

— Детектив? — голос техника прозвучал как из-под воды. — Вам плохо? Картер медленно выпрямился. Его руки дрожали, но он спрятал их в карманы брюк.

— Упакуй это, — тихо сказал Картер, кивая на фото. — В отдельный пакет. И не говори никому, чьё это лицо. Ни Рамиресу, никому-либо ещё.

Он вышел из кабинета, чувствуя, как пол уходит из-под ног. Коридор казался бесконечным, стены давили. Картер спустился на первый этаж и вышел через французские двери на задний двор.

Утреннее солнце уже припекало, высушивая росу. Под окном кабинета, на втором этаже, разбился идеальный английский газон, переходящий в клумбу с экзотическими растениями. Вейн гордился своей коллекцией орхидей и использовал для них специальную почву — тёмную, вулканическую, смешанную с измельчённой корой. Картер посмотрел на клумбу. Земля у самой стены дома была примята.

Кто-то стоял здесь. Кто-то смотрел вверх, на закрашенное окно кабинета.

Он повернулся и пошёл обратно в дом, поднимаясь по чёрной лестнице. В гостиной всё ещё сидели подозреваемые. Элеонора пила новый чай. Маргарет гладила скатерть. Джулиан стоял у окна, заложив руки в карманы брюк. Картер остановился в дверях. Он смотрел на Джулиана. На его безупречный льняной костюм. На его надменную позу. Джулиан переминался с ноги на ногу — лёгкое, едва заметное движение, но Картер заметил. И в этот момент луч света из окна упал на его обувь. Джулиан носил дорогие итальянские лоферы из замши. Но на левой туфле, на самом кончике мыска и на ребре подошвы, застрял крошечный, но отчётливый кусочек чёрной, вулканической почвы с вкраплениями белой коры.

Тишина в комнате стала абсолютной. Ватной, давящей на виски, как при перепаде давления

— Вы сказали, что не были в этом доме вчера вечером, мистер Вейн, — голос Картера был ровным, лишённым всяких эмоций.

Джулиан нахмурился, его идеальная маска дала микротрещину.

— Я уже сказал вам, детектив. Я был в музее. У меня алиби.

— Музей находится в десяти милях отсюда, — Картер сделал шаг вперёд, не сводя глаз с обуви племянника. — И я уверен, что в музее Хаммера нет клумб с вулканическим грунтом и орхидеями.

Джулиан посмотрел вниз. Его лицо побледнело. Он попытался незаметно отступить, спрятать ногу за другую, но было поздно. Ложь рухнула, обнажая холодную, расчётливую реальность.

— Это... это я наступил сегодня утром, — выпалил Джулиан, но его голос предательски дрогнул. — Когда осматривал дом.

— Вы не осматривали дом, Джулиан, — тихо сказал Картер. — Вас не пускала полиция. Вы стояли под окном кабинета. Вы ждали сигнала.

Джулиан поднял глаза. В них больше не было надменности. Был только животный ужас. От осознание того, что игра окончена, но правила изменились.

— Вы ошибаетесь, детектив, — сказал Джулиан, и его голос вдруг стал другим. Тихим. Опасным. — Я был здесь. Да. Я приехал около десяти вечера. Я хотел поговорить с дядей. О клинике. О наследстве. Мы поссорились. Я ушёл в одиннадцать пятнадцать. Но я не убивал его. И вы это знаете. — Кто-то подставил меня, детектив, — продолжил Джулиан. — Кто-то знал, что я приеду. Кто-то знал, что мы поссоримся. Кто-то знал, что я оставлю след. И этот кто-то хотел, чтобы вы нашли именно меня.

Картер смотрел на него и понимал, что картина только что обрела новое, пугающее измерение. Джулиан был под окном. Джулиан лгал о своём присутствии. Но окно кабинета было закрашено изнутри, а дверь заперта ключом, который остался в замке. Зачем Вейн сжигал фото Картера? Кто был на том снимке рядом с ним? И, самое главное, если Джулиан стоял под окном и ждал, то кто, чёрт возьми, находился внутри комнаты вместе с Вейном в момент выстрела?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Асимметрия: Фантомный рефлекс левши

Кондиционер в комнате для допросов гудел, как старый трансформатор. Воздух был сухим, пропитанным запахом дешевого мыла и остывшего кофе. Уильям Картер сидел за столом, испещрённым глубокими бороздами, которые оставляли ногти подозреваемых за десятилетия. Напротив, него сидел Джулиан Вейн. Льняной пиджак аккуратно сложен на спинку стула. Рукава рубашки закатаны ровно на полтора дюйма. Швейцарские часы тикали слишком громко для такой маленькой, глухой комнаты. Лицо Джулиана утратило утреннюю фарфоровую гладкость. Теперь это была маска, натянутая на стальные нервы. — Я требую адвоката, — произнёс Джулиан. Голос звенел, но руки лежали на столе неподвижно.

— В третий раз за последние десять минут. Я не буду говорить без Голдштейна.

Картер не ответил сразу. Он смотрел, на пальцы. Левая кисть чуть напряжена. Большой палец лежит поверх указательного. Правая — расслаблена, ладонь чуть повёрнута вверх. Привычка. Годы письма. Подписи.

— Пять минут, — Картер положил на стол фотографию. След дорогой замши в чёрной вулканической земле под окном.

— Потом я вызываю вашего адвоката. Но сначала послушайте. Иначе он приедет на похороны вашей репутации. Джулиан смотрит на фото. Глотает. Кадык дёргается, рвётся воротничок рубашки.

— Я видел кого-то, — Джулиан сглотнул, и его голос стал тише, почти шёпотом.

— Когда стоял под окном. На втором этаже, в кабинете дяди. Кто-то был там. Высокий. В тёмном пальто. С поднятым воротником. Я не разглядел лица, но... он стоял там, когда я уходил. Он смотрел на меня.

Картер замер. Пальто. Тёмное пальто с поднятым воротником.

— Вы уверены? — голос Картера был ровным, но внутри холод пробежал по телу.

— Да, — Джулиан кивнул. — И ещё одно. Он не двигался. Он просто стоял. Как будто ждал. Как будто знал, что я внизу.

Картер откинулся на спинку стула.

В голове складывалась картина: деньги, ссора, оружие.

Всё сходится. Удобно. Быстро.

Можно закрыть дело, передать прокурору и не смотреть в прошлое.

Не лезть в Чикаго. Не трогать блокнот. Но что-то цепляется.

Мелкое. Незаметное. Как заноза.

Письмо. Подпись. Привычка. Годы. Тело. Память.

Картер кивнул Рамиресу, стоявшему у двери.

— Покажи мне его руки. Капитан нахмурился, но подошёл. Взял левую кисть Джулиана. Средний палец чуть утолщён. Мозоль от пера. От ручки. От привычки писать левой рукой.

Правая рука — гладкая. Без следов.

Картер вспомнил фото с места преступления.

Пороховой ожог на правом виске. Гильза отлетела вправо. Стреляли правой рукой.

Холод пополз по позвоночнику. Липкий. Медленный.

— Снимите наручники, — голос Картера прозвучал глухо.

— Уильям, ты серьёзно? — Рамирес нахмурился. — У нас есть всё. Мотив, место, время…

— Сними. Джулиан — левша. Он не мог выстрелить ему в правый висок. Ему пришлось бы тянуться через весь стол или стоять за спиной.

А дверь была заперта изнутри. Ключ в замке. Рамирес медленно расстегнул браслеты. Металл щёлкнул, коротко и звонко. Джулиан медленно выдохнул. Плечи, до этого напряжённые, как струны, опустились. Но в его глазах не было облегчения. Только страх. Мертвенный, леденящий.

— Кто-то знал, что я приеду, — прошептал он. — Кто-то знал, что мы поссоримся. Кто-то ждал, пока я уйду, чтобы войти.

Картер смотрел на него и понимал, что картина только что обрела новое, пугающее измерение. Это не убийство. Это декорация. Револьвер в правой руке мертвеца. След на клумбе. Ссора. Всё расставлено по полкам, как в музее. Чтобы он, Картер, увидел именно это. Чтобы он поверил в простую геометрию преступления.

— Отпустите его, — Картер встал, стул со скрипом откатился назад.

— Но не выпускайте из участка. Позвоните адвокату. И дайте воды. Он вышел в коридор, и сквозной воздух ударил в лицо. Телефон вибрировал. Сара. Картер принял звонок, не здороваясь.

— Токсикология пришла, — голос Сары резал тишину. — В коньяке не яд. Ветеринарный транквилизатор. Сильный. Но есть нюанс: В чистом виде он почти безвреден для людей. Смешанный с этанолом, он сохраняет сознание, но лишает сопротивления. Делает человека податливым. Внушаемым. Вейн мог сесть в кресло, взять револьвер и сделать то, что ему сказали. поступки, вызванные химией.

Картер закрыл глаза. — Это не убийство. Это постановка.

— Есть ещё кое-что, — Сара сделала паузу.

Картер услышал, как она листает бумаги.

— Я проверила его коллекцию в Малибу. Второй Кольт 1917 года. Та же гравировка. Но другой серийный номер — на один выше. И он никогда не стрелял. Чистый. Идеальный. Барабан без нагара. Ствол без следов.

— Пара, — Картер открыл глаза. Коридор казался длинным туннелем.

— Один положили в кабинет, чтобы мы нашли. Второй оставили в его доме, чтобы мы убедились, что он принадлежит Джулиану. Чтобы у нас не было сомнений. — Уильям, это спланировано. До мелочей. Кто-то знает, как ты думаешь. Кто-то знал, что ты найдёшь след. Что ты проверишь руки. Что ты поймёшь про левшу. Картер посмотрел на свои ладони. На шрамы. На следы пятилетней давности.

— Он не просто подставил Джулиана, Сара. Он подставил меня. Он заставил меня почти поверить в простую версию. Чтобы я закрыл глаза на главное.

— На что?

— На блокнот. На сожжённое фото. На осадок в стакане. На того, кто стоял в комнате, когда прозвучал выстрел.

Голос Сары дрогнул. — Уильям, я нашла ещё одну запись в логах сервера. Примерно в время выстрела. Кто-то вошёл в архив. С внутреннего IP клиники. Кто-то вошёл в архив. Скачал файлы твоего старого дела. Из Чикаго. Все сессии. Все заметки. Всё. Картер замер. Гудение кондиционера в комнате допросов слилось с шумом в ушах. Воздух в коридоре вдруг стал тяжёлым, вязким. Он медленно поднял голову. В конце коридора висело старое, покрытое пылью зеркало. Картер шагнул к нему. Увидел своё отражение. Измученное. Побледневшее. И на долю секунды ему показалось, что губы в стекле шевельнулись раньше, чем он сам решил заговорить.

— Вернись на участок, — сказал он в телефон. Голос звучал ровно, но пальцы, сжимающие аппарат, побелели.

— И найди всё, что связано с моей терапией. Каждую запись. Каждый сеанс. Он убрал телефон в карман.

Коридор казался пустым. Но это лишь маска. Ловушка не захлопнулась. Она только раскрылась. И кто-то уже стоял внутри. Санта-Ана за окнами участка усилилась. Ветер ударил в стекла, заставив их завибрировать. В этом шуме Картеру послышалось не завывание. А смех. Короткий. Спокойный. Точно такой же, какой описала Маргарет.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ.

Пальто из пепла: Тень, которую нельзя сжечь

Офис фонда « Digital Freedom » занимал двенадцатый этаж стеклянной башни на Сансет -бульваре. В это время суток, за час до того, как Лос-Анджелес окончательно проснётся и встанет в свои бесконечные пробки, он напоминал аквариум: прохладный голубой свет мониторов, тихое гудение серверных стоек за матовым стеклом, запах техники и остывшего эспрессо.

Сара Миллер сидела за столом из белого дуба. Ее взгляд был прикован к мерцающим таблицам, словно она искала там приговор. Её пальцы — длинные, с коротко остриженными ногтями, покрытыми прозрачным лаком, — двигались по клавиатуре с той механической точностью, которую вырабатывают только люди, проводящие за компьютером по десять часов в день на протяжении двадцати лет.

Она печатала на автопилоте. Её пальцы думали сами, обходя защиты, обходя файрволы, обходя те маленькие, наивные ловушки, которые ставят люди, думающие, что их секретные данные надёжно спрятаны за паролями из восьми знаков.

Сара знала: настоящие секреты прячутся не в паролях.

Они прячутся в метаданных. В датах транзакций. В тех крошечных, почти незаметных аномалиях, которые обычный аналитик пропустил бы, списав на ошибку системы.

На центральном мониторе была развёрнута база данных фонда — та самая база, которую она, как один из трёх партнёров-учредителей, имела право просматривать без ограничений.

И именно поэтому ей сейчас было так тошно.

Она открыла файл с анонимными платежами за последний год. В бухгалтерских отчётах они проходили под кодом

«Консультационные услуги для внешних специалистов».

Стандартная практика для любого фонда, работающего с психиатрическими клиниками. Но Сара не была бы Сарой Миллер, если бы удовлетворилась стандартной практикой.

И она была права. Платежи шли на один и тот же офшорный счёт — « Aethelgard Holdings », зарегистрированный на Каймановых островах.

Суммы были разными — от трёх до пятнадцати тысяч долларов, — но частота была странной: ровно один платёж в неделю, каждый вторник, как по расписанию.

И все они, без исключения, были привязаны к одному конкретному врачу — доктору Элиасу Вейну. Сара откинулась на спинку кресла. Кожа заскрипела под лопатками. Она посмотрела в окно, на Лос-Анджелес, расстилающийся внизу серо-золотой пеленой, и почувствовала, как внутри неё поднимается то холодное, липкое чувство, которое она знала слишком хорошо.

Она вернулась к клавиатуре и вбила название

« Aethelgard Holdings »

в консоль собственного парсера, связанного с API OpenCorporates — открытой базы офшорных компаний, которую она держала в закладках ещё с тех Panama Papers , что копала пять лет назад.

Параллельно открыла коммерческий реестр Dun & Bradstreet и прогнала то же имя по юрисдикциям. Парсер выдал ответ через сорок секунд.

И Сара почувствовала, как у неё перехватило дыхание. «Aethelgard Holdings» была не просто офшором.

Это была конечная точка цепочки из семи компаний, каждая из которых была зарегистрирована в разной юрисдикции — Лихтенштейн, Люксембург, Панама, Сингапур, — и все они, как нити в паутине, вели к одному и тому же источнику: к фондам, которые Сара видела пять лет назад, в самом начале своей работы с Уильямом Картером.

К тем самым фондам, которые, как она тогда думала, были закрыты и ликвидированы после того скандала. Они не были ликвидированы. Они просто сменили имена. Сара закрыла

глаза, и на мгновение ей показалось, что она снова там, в том кабинете, пять лет назад, когда Уильям сидел напротив неё с пустыми глазами и говорил голосом, который она не узнавала.

Она тогда поклялась себе, что больше никогда не допустит, чтобы её фонд — её детище, её гордость, её искупление за все ошибки молодости — стал инструментом в руках монстров.

Её рука потянулась к чашке с кофе. Пальцы дрогнули. Кофе расплескался по столу, тёплой бурой лужей растекаясь между распечатками.

Сара не стала вытирать. Она смотрела на коричневые пятна, впитывающиеся в бумагу, и думала о том, что пять лет назад она стояла на кухне Уильяма, держала его за плечи и говорила ему:

«Ты не один. Я здесь. Мы справимся».

Она солгала тогда. Они не справились.

Сара открыла новый файл и начала выстраивать цепочку платежей, связывая их с датами. Каждый платёж, как она теперь видела, был привязан к конкретному сеансу терапии. Сеансы проходили под кодовым названием

«Пациент №17» — анонимный пациент, чьё имя не фигурировало ни в одном документе, но чьи консультации оплачивались отдельно, сверх обычного гонорара Вейна.

Суммы были значительными — по пять тысяч за сеанс, — и это само по себе было странно, потому что даже самые дорогие психиатры Лос-Анджелеса не брали больше тысячи за час.

Сара нахмурилась. Она открыла календарь Вейна — тот, что получила от его ассистентки утром, ещё до того, как узнала о смерти, — и начала сопоставлять даты сеансов с датами платежей.

Вторник, 14 марта. Вторник, 21 марта. Вторник, 28 марта. Каждый вторник, без пропусков, без переносов, как по военному расписанию.

И каждый раз — ровно в семь вечера, последнее время в расписании Вейна , после которого он, по словам ассистентки, никогда не принимал пациентов. Она посмотрела на часы. Было восемь сорок пять утра. Уильям, наверное, уже был на ногах, уже пил свой ужасный растворимый кофе, уже смотрел на стены своего кабинета и думал о том, о чём он думает последние пять лет.

Она знала его слишком хорошо, чтобы не знать этого. И именно поэтому, прежде чем позвонить ему, она решила проверить ещё одну вещь — ту, которая, как она чувствовала, была ключом ко всему.

Она вбила в поисковую строку слово «срыв». Оставив в стороне «депрессию», «ПТСР», «тревожное расстройство» — все эти клинические термины, которыми Уильям, как настоящий профессионал, прикрывал свою боль.

Она вбила то слово, которое он сам использовал пять лет назад, в ту ночь, когда она нашла его сидящим на полу своей кухни, с пустой бутылкой виски в руке и с глазами, в которых не было ничего, кроме пустоты.

И база данных фонда выдала ей список.

Двенадцать дат за последние пять лет. Двенадцать дней, когда Уильям Картер, по её собственным записям — потому что она вела дневник, как вела всё в своей жизни, — терял контроль. Когда он не отвечал на звонки. Когда он исчезал на сутки, а потом возвращался с глазами, в которых было то, чего она не могла вынести.

Сара посмотрела на список. Потом посмотрела на даты сеансов Пациента №17.

Её пальцы замерли над клавиатурой. Восемь из двенадцати совпадали. Восемь сеансов приходились на день или на следующий день после срыва. Четыре — вразнобой. Но последовательность была слишком чёткой, чтобы быть случайностью.

Как будто кто-то, зная о состоянии Уильяма, записывался на приём к Вейну именно тогда, когда Уильям был наиболее уязвим. Как будто кто-то использовал терапию Вейна не для того, чтобы лечиться. А для того, чтобы учиться.

Сара медленно отодвинула чашку с кофе. Её рука дрожала.

Она посмотрела на свой дневник — тот, в котором пять лет вела записи о срывах Уильяма. Дневник, который она хранила в сейфе. Дневник, к которому, как она только что поняла, кто-то получил доступ. Сара взяла телефон. Её пальцы дрожали, когда она набирала номер Уильяма.

Архив LAPD располагался в подвале центрального участка, в помещении, которое пахло пылью, старой бумагой и тем особым, кисловатым запахом, который бывает только там, где десятилетиями хранятся чужие жизни, упакованные в картонные коробки. Уильям Картер сидел за столом, перед ним лежала папка с надписью

«Пациент №17 — Досье».

Папка была тонкой. Слишком тонкой для человека, который посещал психиатра еженедельно в течение года. В ней было всего несколько страниц — форма приёма, несколько распечаток из календаря Вейна и одна записка, написанная рукой самого врача: «Пациент отказывается от Установление личности. Сеансы проводятся на условиях полной анонимности. Рекомендую прекратить работу».

Записка была датирована тремя неделями до смерти Вейна. Досье было пустым. Не просто скудным — пустым. Никаких записей о сеансах, никаких заметок врача, никаких диагнозов, никаких рецептов. Только даты — те самые вторники, которые Сара, как он сейчас узнал по телефону, обнаружила в финансовых записях фонда. Картер достал свой собственный блокнот — тот, настоящий, который он вёл последние двадцать лет, — и открыл его на странице, где записывал свои срывы. Исключительно ради анализа**.** Уильям Картер был чужд самосожалению. Двенадцать дат за пять лет.

Он посмотрел на них, потом на даты из досье Пациента №17. Совпадение.

Не полное, но слишком близкое, чтобы быть случайным.

Каждый сеанс — в день или на следующий день после его собственного срыва. Как если бы кто-то знал. Как если бы кто-то наблюдал. Он закрыл глаза, и в темноте за веками он увидел тот день, пять лет назад, когда он впервые пришёл к Вейну.

Он тогда не знал, что этот человек станет его якорем. За эти годы он рассказал Вейну вещи, которые не рассказывал никому — ни Саре, ни Рамиресу, ни даже самому себе вслух. И теперь, сидя в подвале LAPD, с папкой пустого досье перед собой, он понимал, что Вейн хранил все эти секреты. И что кто-то — этот таинственный Пациент №17 — пришёл к Вейну именно тогда, когда Картер был наиболее уязвим.

Он открыл глаза и посмотрел на записку Вейна.

«Он знает. Он знает обо всём».

О чём обо всём? Картер взял телефон и набрал номер Рамиреса.

— Диего, мне нужна медсестра, которая работала у Вейна. Та, что вела расписание.

— Марта? Она на пенсии, Уильям. Живёт в Пасадене. Я могу её найти, но…

— Найди её. Мне нужно поговорить с ней сегодня.

Марта жила в небольшом доме на окраине Пасадены, в районе, где улицы были засажены старыми дубами, а газоны перед домами были подстрижены с той педантичной точностью, которая бывает только у людей, вышедших на пенсию и не знающих, куда девать время.

Картер позвонил в дверь. Никто не открыл. Он позвонил снова. Сосчитал до пятнадцати. За дверью послышались шаги — медленные, шаркающие, осторожные. Замок щёлкнул, но дверь открылась только на цепочке — на ширину ладони. В щели он увидел глаз, светлый, почти бесцветный, и сжатые губы.

— Я уже говорила с полицией, — сказала она. Голос был мягким, но твёрдым, как хорошо выделанная кожа.

— Я не полиция, — сказал Картер. — Я друг доктора Вейна.

— У доктора Вейна не было друзей. Только пациенты.

Она попыталась закрыть дверь. Картер просунул ногу в щель — не грубо, но и не прося разрешения.

— Пациент номер семнадцать, — сказал он. Глаз в щели моргнул. Цепочка осталась расслабленной. Марта молчала некоторое время.

За её спиной Картер увидел гостиную — тонкий фарфор, золотая каёмка, букет лаванды на столе. Дом человека, который долго хранил секрет и устал его хранить.

— Зайдите, — сказала она наконец. — Но чай вы пить не будете. У меня нет времени на вежливость.

Она сняла цепочку и открыла дверь шире. Картер шагнул внутрь, и запах лаванды и старых книг ударил ему в лицо. Марта провела его в гостиную, не предложив сесть, и сама осталась стоять у окна, сложив руки на груди. Её пальцы, короткие, с обкусанными ногтями, сжимали собственные локти.

— Что вы хотите знать? — спросила она, не оборачиваясь.

— О Пациенте номер семнадцать.

— Я уже сказала полиции всё, что знаю.

— А что вы знаете?

Марта повернулась. Её светлые, почти бесцветные глаза смотрели на него с тем спокойным, профессиональным вниманием, которое вырабатывают медсёстры, работающие в психиатрии десятилетиями.

Но под этим вниманием Картер увидел ещё, то что бывает у людей, которые долго хранили секрет и боятся его рассказать.

— Он приходил каждый вторник, — начала она, глядя в сторону, словно видя там то, о чём говорила.

— Ровно в семь. Всегда вовремя, ни минутой раньше, ни минутой позже. Доктор Вейн не принимал пациентов после семи, но для него делал исключение. Сам просил меня не записывать его в общий журнал.

— Как он выглядел?

Марта помолчала. Её пальцы сжали локти крепче.

— Это странно, детектив, — сказала она наконец. — Я видела его больше пятидесяти раз за этот год. Я открывала ему дверь. Я провожала его до кабинета. Я видела его спину, когда он уходил. Но я не могу описать его лицо.

— Не можете вспомнить?

— Нет. — Она покачала головой, и её седые волосы слегка колыхнулись. — Не вспомнить. Я просто… не видела его. Он всегда приходил в высоком пальто, с поднятым воротником. И в шляпе. Старомодной, с широкими полями. Тень от полей падала на лицо, и я никогда не видела его черт. Только подбородок. И руки.

— Какие руки?

Марта нахмурилась, пытаясь вспомнить.

— Тонкие. Длинные пальцы. Кожа светлая, почти прозрачная. И он всегда носил перчатки — даже весной, даже когда было тепло. Тонкие кожаные перчатки, тёмные.

Картер почувствовал, как у него на спине проступает пот. Он наклонился вперёд, не сводя глаз с лица Марты.

— Пальто. Вы сказали — пальто. Какое именно?

Марта снова помолчала, и на этот раз её пауза была длиннее, тяжелее. Она смотрела на свои руки, на окно, за которым шелестели листья дуба, и Картер видел, как в её голове происходит работа — медленная, тщательная, почти болезненная.

— Тёмно-серое, — сказала она наконец. — Шерстяное. Длинное, до щиколотки. С двумя рядами пуговиц. И… — она нахмурилась ещё сильнее, — с одной странной деталью. От него тянуло специфическим запахом. Смесь формалина и горького миндаля. Такой же запах, что пропитывает одежду в морге. Я тридцать лет проработала медсестрой, детектив, я узнаю его сразу. А на левом лацкане, чуть ниже отворота, была маленькая дырочка. И вокруг неё — жёлтое, выцветшее пятно от химреактива. Нитрат серебра. Он въедается в шерсть навсегда.

Картер перестал дышать. Он знал это пальто. Он знал эту дырочку. Он знал это пятно. Пять лет назад, в ту ночь, когда он стоял на краю пропасти, когда Вейн вытащил его из темноты, на нём было это пальто.

Тёмно-серое, шерстяное, с двумя рядами пуговиц. И на левом лацкане — дырочка от пули, которая прошла в дюйме от его сердца, и тёмное пятно от крови человека, которого он не смог спасти.

Пальто, которое он сжёг в камине своей квартиры на следующий день.

Пальто, которого больше не должно было существовать.

Пальто, которое сейчас, пять лет спустя, носил кто-то, кто приходил к Вейну каждый вторник, в дни срывов Картера, и кто-то, кто, судя по всему, знал о Картере больше, чем сам Картер знал о себе.

Он медленно, с трудом, выдохнул. Гостиная Марты, с её лавандой и старыми книгами, с её тонким фарфором и золотой каёмкой, вдруг показалась ему чужой, далёкой, словно он смотрел на неё через толстое, мутное стекло.

— Спасибо, Марта, — сказал он, и его голос прозвучал хрипло. — Вы мне очень помогли. Он встал, и стул тихо скрипнул под ним. На пороге он обернулся.

— Марта. Ещё один вопрос. Когда он приходил — он говорил? С вами?

Она покачала головой. — Ни слова. Ни «здравствуйте», ни «до свидания». Он просто проходил мимо меня, как будто меня не было. Как будто я была мебелью.

— А с Вейном? Вы слышали что-нибудь через дверь?

Марта снова помолчала. И когда она заговорила, её голос был тише, чем раньше, почти шёпотом.

— Один раз, — сказала она. — Всего один раз. Это было месяца три назад. Я зашла убрать кабинет после их сеанса и случайно услышала голос доктора Вейна через дверь. Он… он плакал, детектив. Я никогда не слышала, чтобы он плакал. А потом я услышала один голос. Другой. И я… я не знаю, как это объяснить.

— Что вы услышали? Марта подняла на него глаза, и в этих светлых, почти бесцветных глазах Картер увидел то, что он видел в зеркале каждое утро последние пять лет — страх. — Я услышала свой собственный голос, — сказала она.

— Но это была не я. Это был он. А потом он повторял за доктором Вейном фразу, которую тот сказал минуту назад. Точно так же. С той же интонацией. С той же паузой. Как будто… как будто учился быть им.

Картер вышел на крыльцо, и тёплый калифорнийский воздух ударил ему в лицо, принося с собой запах скошенной травы и далёкое гудение магистрали.

Он стоял там, на ступеньках чужого дома, в чужом районе, в чужой жизни, и чувствовал, как старая, удобная модель мира, в которой убийца был просто человеком с мотивом, рассыпается в прах.

Телефон в его кармане вибрировал. На экране мелькнуло имя: Сара Миллер.

Он принял звонок, не глядя на экран.

— Уильям, — голос Сары был напряжённым, быстрым.

— Я нашла то, что ты просил. Цепочку офшоров. И… Уильям, это плохо. Это очень плохо.

— Я знаю, — тихо сказал Картер, глядя на улицу, на дубы, на газоны, на мир, который только что перестал быть тем, чем был минуту назад.

— Я тоже кое-что нашёл.

— Что? Он помолчал. Он подбирал слова, и каждое из них казалось ему тяжёлым, как свинец.

— Сара, — сказал он наконец.

— Пациент №17 — это не случайный человек. Это кто-то, кто охотился за мной. Через Вейна.

На другом конце провода была тишина. Долгая, тяжёлая, звенящая тишина.

— Как ты понял? — наконец спросила Сара.

Картер посмотрел на свои руки, на свои пальцы, и подумал о пальто, которое он сжёг пять лет назад. О пальто, которое сейчас носил кто-то другой.

— Потому что, — сказал он, — он носит моё пальто.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Горизонт: Семь букв в слепой зоне

Вилла Вейна в вечернем свете выглядела как декорация после съёмок. Всё на своих местах, но некое, едва уловимое изменилось — словно воздух здесь стал другим, более тяжёлым.

Картер припарковал машину у ворот и достал из бардачка ключ, который Рамирес дал ему утром. Замок открылся с тем же мягким щелчком, что и вчера. Внутри было тихо. Та особая тишина, которая бывает в домах, где кто-то только что умер. Тишина, в которой каждый звук кажется слишком громким: скрип пола под ногами, гудение кондиционера, далёкий шум магистрали за окнами.

Картер прошёл через гостиную, не глядя на мебель, на букеты цветов, которые уже начинали увядать, на фотографии Вейна на каминной полке, и поднялся по лестнице на второй этаж.

Кабинет встретил его запахом старой кожи и тем слабым ароматом остывшего воска и застарелой пыли.

Картер закрыл глаза на секунду, вдыхая этот запах. Потом открыл их и начал смотреть. Не как детектив, реконструирующий события. А как человек, который ищет то, что пропустил.

Он начал с пола. Паркет был чист — техники сделали свою работу.

Картер посмотрел выше. Взгляд устремился на то, что было над полом. На плинтусы. На ножки кресла. На нижнюю кромку штор. И увидел. На внутренней стороне плинтуса, у стены, противоположной окну, тонкой нитью тянулся волосок.

Картер присел на корточки, достал из кармана фонарик.

Луч выхватил микроволокно — тонкое, почти прозрачное, синтетическое. Оно зацепилось за шероховатость дерева и висело, как паутинка.

Кто-то здесь стоял. Прижимался к стене. И ткань его одежды оставила след.

Картер медленно поднялся и посмотрел на стену, к которой прижимался невидимка. Там, в углу, висела тяжёлая бархатная штора, которая вчера была задернута. До вчерашнего дня она казалась просто частью интерьера. Теперь Картер смотрел на неё иначе.

Он подошёл к шторе. Потянул за край. Ткань скользнула по карнизу с тихим шорохом. За ней был встроенный книжный шкаф. Картер знал этот шкаф. Он сам подарил Вейну первое издание

«Анатомии меланхолии».

Он потянулся к корешку. Нажал. Тихий щелчок. Декоративная панель, казавшаяся монолитной стеной, отъехала в сторону. За ней — узкая ниша в простенке, глубиной в полметра.

Кто-то отодвинул её и не задвинул до конца. Криминалисты искали потайные двери, а не фальш-панели, скрытые за корешками книг.

Внутри пахло старой штукатуркой и тем слабым, почти незаметным запахом, который бывает в местах, где кто-то долго находился в неподвижности.

Полки были пусты — Вейн, видимо, не использовал эту нишу, или техникам она не показалась интересной. Но на внутренней стороне панели, той, что была обращена к комнате, Картер увидел то что заставило его замереть.

Царапины. Тонкие, едва заметные, но отчётливые. Следы ногтей. Кто-то стоял здесь, в темноте, прижавшись к панели, и царапал дерево.

Десять параллельных линий. Человеческие ногти. Картер провёл пальцами по царапинам. Дерево было шершавым под подушечками.

Кто-то считал секунды. Кто-то сдерживал дыхание.

Он посмотрел на кресло Вейна. На револьвер, которого уже не было — его увезли как улику.

Но Картер видел его в памяти. В правой руке мертвеца.

Гильза на полу. Угол входа пули — справа налево.

Потом на дверь. Ключ в замке. Изнутри.

Потом на окно. Закрашено.

Потом на камин. Заслонка закрыта.

Он медленно повернул голову обратно к нише. Панель была сдвинута. Но не закрыта до конца. На полсантиметра. Достаточно, чтобы дышать.

Телефон в кармане вибрировал. Сара.

— Уильям, — её голос был напряжённым. — Я получила полный отчёт токсикологии. Там не только транквилизатор.

— Что ещё?

— Галлюциноген. Из тех, что используют в психоделической терапии. Но в дозе, которая не лечит. Которая ломает. Превращает разум в зеркальный зал, где реальность множится, искажается, теряет границы.

Картер смотрел на нишу. На царапины. На полусантиметровую щель.

— Он видел то, чего боялся, — тихо сказал Картер.

— Что?

— Не знаю. Но кто-то хотел, чтобы он увидел именно это. Кто-то подмешал галлюциноген в коньяк. Знал, что Вейн будет пить. Знал, что под воздействием транквилизатора и галлюциногена он станет податливым. Уязвимым. — Уильям, ты думаешь…

— Я думаю, — Картер не отводил взгляда от ниши, — что кто-то был в этой комнате. Всё это время. Пока полиция ломилась в дверь. Пока Рамирес фотографировал тело. Пока техники упаковывали улики.

На другом конце провода была тишина.

— Где? — наконец спросила Сара.

— В нише. За шторой. Картер услышал, как Сара выдыхает. Медленно, тяжело.

— Он ждал, пока все уйдут. Потом вышел. Забрал то, за чем пришёл. И ушёл через дверь, которая больше не была заперта.

— Что он забрал?

— Не знаю. Но он оставил кое-что. Мой блокнот. Намеренно. Чтобы я нашёл его. Чтобы я прочитал записку. Чтобы я понял, что тот, кто носит моё лицо, пришёл не за Вейном. Картер наклонился ближе к панели. И увидел то, что пропустил раньше.

Под царапинами. Чуть ниже. Нацарапанное ногтем, с усилием, с отчаянием. Буквы были неровные, кривые, но читались отчётливо.

Семь букв. ГОРИЗОНТ.

Картер выпрямился. Мир вокруг на секунду замер. Он посмотрел на слово. На эти семь букв. Нацарапанных на дереве кем-то, кто стоял в темноте, прижавшись к панели. Кем-то, кто знал, что его найдут. Или не знал. Или хотел, чтобы его нашли. Он не знал, кто нацарапал это. Вейн, в свои последние секунды, в бреду, в ужасе?

Или убийца, чтобы запутать, чтобы направить, чтобы оставить послание?

Телефон всё ещё был прижат к уху.

— Сара, — сказал он. — Мне нужно, чтобы ты нашла всё, что связано со словом «Горизонт». Клиника. Операция. Проект. Что угодно.

— Уильям, это может занять…

— Найди. Он оборвал звонок, прежде чем она успела возразить.

Картер посмотрел на нишу в последний раз.

Потом на кресло. Потом на дверь.

И вышел из кабинета. На лестничной площадке он остановился. Странное чувство.

Не звук. Не запах. Ощущение в теле — то, которое появляется, когда пиджак сидит иначе, чем должен.

Картер опустил руку к правому карману. Ткань оттопырилась — едва заметно, но достаточно, чтобы он почувствовал лишний вес, когда шёл по коридору. Он был в кабинете минут двадцать. Пиджак висел на спинке стула, пока он наклонялся к плинтусу, к нише, к панели.

Кто-то мог войти. Кто-то мог подойти сзади.

Или это случилось ещё раньше — в участке, в машине, в толпе — а он просто не заметил.

Он медленно сунул руку в карман. И нащупал то, чего там быть не должно было.

Тонкую кожаную перчатку. Тёмную. Чужую.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Метод Зеркала: Отражение без оригинала

Три часа ночи. Квартира Картера на Хилл стрит. Кондиционер гудел, тени от жалюзи рисовали решётку на потолке.

Картер лежал на спине, глядя в темноту, и чувствовал, как внутри поднимается знакомое ощущение — глубже страха, глубже тревоги, более жгучее, более тяжёлое. Ощущение края.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.